

Этого не ожидали не только зрители, даже Шэнь Цяо не предполагал, что Янь Уши внезапно появится. Следуя тому, какие героические и внушающие трепет слова произнес он по прибытии, все, естественно, решили, что он собирается вступить в смертельную схватку с Ху Лугу. Но вместо этого он резко схватил Шэнь Цяо и покинул это место. Он даже не пощадил своего ученика, которого оставил позади.

Радужная тень горы Сюаньду не имела себе равных в этом мире. Хотя цингун секты Хуаньюэ не был столь известен, движения Янь Уши были настолько быстрыми, что они исчезли из поля зрения всех в одно мгновение. Помимо прочих присутствующих, даже Ху Лугу не мог ничего сделать, кроме как наблюдать за пылью всадника впереди, без надежды когда-либо догнать его.

Шэнь Цяо был ранен. Его ци и кровь бурно хлопотали, что мешало ему совершать какие-либо необдуманные движения. Янь Уши нес его на руках, преодолевая расстояние, превышавшее десять ли. Его походка была устойчивой, как будто он шел по ровной земле, без малейшего толчка. У него было расслабленное выражение лица, и на его губах даже появился намек на улыбку. Это явно было для него легким подвигом.

Шэнь Цяо восстановил достаточный контроль над собой, чтобы отреагировать. Он хотел заговорить, но комок крови застрял у него в горле, и ему пришлось заставить себя проглотить его. Он дважды кашлянул, прежде чем сказать:

— Отпусти меня...

Закаленный и невозмутимый старый бог, которым являлся Янь Уши, спокойно ответил:

— К чему такая спешка? Мы только что спустились с горы. Если Ху Лугу догонит нас, не пропадут ли все усилия впустую?

«Имея такую красоту на руках, почему бы не понести ее еще несколько десятков ли?» - мысленно добавил Демонический Владыка.

Не было похоже, что Янь Уши внезапно стал порядочным после встречи с Шэнь Цяо; просто он очень хорошо понимал его характер. Этот даочжан поддается уговорам, но не принуждению. Если баван попытается согнуть лук, используя грубую силу, он, скорее всего, никогда не сможет продвинуться дальше. И все же, если бы он использовал только нежные уговоры, это было бы так же невозможно. Этот чистосердечный, равнодушный и прекрасный даочжан очищает свое сердце и воздерживается от мирских желаний, и уже давно развился до такой степени, что оторвался от светского мира. Этот человек был таким же цепким, как шелк, монолитом, который никто никогда не мог надеяться сдвинуть.

Однако Янь Уши считал, что сам способен быть сравнимым со стойкостью горы. Если бы он захотел, то смог бы даже звезды с Небес сорвать.

Шэнь Цяо на некоторое время потерял дар речи.

— Я действительно думал, что ты сразишься с Ху Лугу.

Янь Уши улыбнулся и ответил:

— Боюсь, мои навыки все еще уступают ему в некоторой степени, поэтому сражаться сейчас не стоит. Зачем мне тратить силы на то, чтобы заниматься невыгодным делом? Если я и должен сделать свой ход, то только тогда, когда результат будет гарантирован. Этот достопочтенный не совершает бессмысленных действий, таких как использование бамбуковой корзины для черпания воды, только для того, чтобы в итоге остаться ни с чем.

Он никогда не был из тех, кто уклоняется от того, чтобы говорить правду, но даже если это была правда, в ней все еще чувствовалась часть фирменного высокомерия и властной манеры Янь Уши.

Шэнь Цяо не ответил. Та последняя схватка действительно высосала из него всю энергию. Он также страдал от внутренних травм и был крайне истощен. Усталость была слишком велика; довольно скоро он невольно закрыл глаза и погрузился в глубокий сон.

Янь Уши опустил голову, чтобы взглянуть, и уголок его рта приподнялся в улыбке. Он прижал человека к себе и шел ровным шагом десятки ли, пока они не вышли из города Цинчэн, направляясь на северо-восток.

Прошло так много времени с тех пор, как Шэнь Цяо в последний раз спал как нормальный человек.

Это не означало, что до этого он не нуждался во сне. Просто для практикующих боевые искусства сон также может считаться формой тренировки. Можно тренировать свои боевые искусства во время сна, распространяя свою истинную ци по всему телу. Это позволяло мастерам боевых искусств продолжать совершенствовать свои навыки даже во время отдыха. Хотя Шэнь Цяо не особенно беспокоили такие вещи, как успех и неудача или слава и бесчестие, он остро осознавал принцип, что, если кто-то достаточно силен, он никогда не позволит себе оказаться во власти других. С тех пор как он восстановил свои основы, он проводил каждый божий день тренируясь усердно и неустанно. Даже ночью он обычно медитировал, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

В борьбе с Ху Лугу он израсходовал почти всю свою внутреннюю силу, и его сердце и разум были истощены. Прямо сейчас его даньтянь был пуст. Всякий раз, когда он спал, даже во сне, он все еще сохранял нить сознания, чтобы замечать любые изменения в своем окружении. Но в данный момент он не мог этого сделать. Он потерял сознание, когда закрыл глаза, и вскоре погрузился в странный и сюрреалистический сон.

К тому времени, когда он проснулся, он уже лежал на кровати. Он повернул голову, чтобы

выглянуть в окно, и увидел, что уже смеркается. Единственным источником света в комнате были несколько свечей, которые мягко мерцали на ночном столике у кровати, освещая комнату своим слабым свечением.

Еще до того, как Шэнь Цяо смог нахмуриться и прогнать воспоминания о своих снах, до его ушей донесся голос, пронизанный сарказмом.

— Какой прекрасный сон тебе приснился, что ты все еще пытаешься уловить его и посмаковать несколько раз даже после того, как уже проснулся?

Только тогда Шэнь Цяо понял, что что-то не так. То, на чем покоилась его голова, явно не было подушкой... вместо подушки...

Было бедро Янь Уши.

Он проснулся, лежа головой на бедре Янь Уши.

Независимо от того, насколько спокойным и собранным в целом был Шэнь Цяо, он не мог не чувствовать себя немного неловко, осознав это. Он оперся на локти, чтобы поддержать свое тело, и попытался встать. Янь Уши надавил ему на плечи, чтобы опустить его обратно.

— У тебя все еще есть внутренние повреждения, нецелесообразно так безрассудно передвигаться.

Грудь Шэнь Цяо действительно пульсировала тупой болью, и циркуляция истинной ци в его теле была одновременно вялой и застойной. У него даже не было сил сесть, но он упорно продолжал приподниматься и передвигаться к спинке кровати.

Почувствовав спиной твердую поверхность, он вздохнул с облегчением. Прислонившись к спинке кровати, он почувствовал себя немного спокойнее. Это придало ему больше душевного спокойствия.

Янь Уши внимательно наблюдал за его лицом, находя его чрезвычайно интересным.

— Что за сон тебе приснился? Твое лицо краснеет, как весенние цветы персика, а глаза увлажнились.

Услышав такое описание, любой бы подумал, что Янь Уши имеет в виду, что Шэнь Цяо приснился весенний сон.

Янь Уши протянул руку, чтобы коснуться его лица. Он сказал:

— Твое лицо такое горячее; должно быть, это был весенний сон. Тебе снился этот достопочтенный?

Уголки рта Шэнь Цяо дернулись, и он ответил:

— Нет. Боюсь, глава секты Янь будет разочарован, услышав, что это был сон, в котором я сражался против нескольких человек. Даже после пробуждения я чувствую себя чрезвычайно усталым.

Он никогда бы не раскрыл, что Янь Уши был среди людей, с которыми он боролся. Кто знает, что сказал бы этот человек, если бы узнал об этом?

Однако он явно недооценил, насколько толстокожим был глава секты Хуаньюэ. Даже если бы он ничего не раскрыл, этот человек все равно сказал бы самые наглые слова.

— Сражался? Где вы дрались? Может быть, вы дрались на кровати?

— Если глава секты Янь будет продолжать говорить в такой легкомысленной и неуважительной манере, этот бедный даос воздержится от разговора с ним! – сердито ответил Шэнь Цяо.

Даже несмотря на то, что А-Цяо угрожал ему, он делал это в настолько мягкой манере, что в его предупреждении не было даже следа устрашения. Янь Уши громко рассмеялся и сказал:

— Хорошо, хорошо. Я больше ничего не скажу. Тогда как насчет того, чтобы ты что-нибудь сказал? Говори первым.

Шэнь Цяо успокоился, а затем спросил:

— Как долго я спал?

— На это легко ответить: целый день и ночь.

Шэнь Цяо был слегка озадачен. Он не ожидал, что проспит так долго. Его травмам все еще понадобится некоторое время, чтобы зажить; хотя, когда он очнулся, боль в его теле, казалось, значительно уменьшилась. Похоже, что Янь Уши помог ему восстановиться, пока он спал, поэтому он сложил руки в поклоне и сказал:

— Большое спасибо. В будущем, если главе Янь что-нибудь понадобится, если это не противоречит законам природы или этики, Шэнь Цяо определенно сделает все возможное, чтобы помочь.

Подумав о том, что обычно слова и поступки этого человека немного абсурдны и ненадежны, в частности, его поведение в секте Бишан тому подтверждение, он встревожился и добавил:

— Это также не может быть чем-то слишком абсурдным или нелепым, или чем-то, что противоречило бы этическим нормам общества.

Хотя Шэнь Цяо больше не глава горы Сюаньду, он по-прежнему входит в десятку лучших мастеров мирового уровня. Учитывая его характер, обещание, данное им, было поистине бесценным.

Янь Уши улыбнулся, но небрежно отклонил предложение.

— В этом нет необходимости. Я только что получил свою награду, так что тебе не нужно быть таким вежливым. Кроме того, с отношениями, которые у нас сложились, тебе не следует вести себя как посторонний с этим достопочтенным.

«Какие у нас отношения? Как получилось, что я не знал об этом?» – подумал Шэнь Цяо, он был ошеломлен, его глаза безучастно смотрели, а рот был разинут. Он чувствовал, что Янь Уши, должно быть, потратил последние несколько лет на то, чтобы улучшить толщину кожи на своем лице, а не на совершенствование своих боевых искусств или управление сектой.

Янь Уши улыбнулся, глядя на него.

— А-Цяо хочет пить?

Шэнь Цяо подсознательно ответил:

— Я не хочу пить. Большое спасибо главе Янь за заботу.

— Так и думал. Я уже напоил тебя медовой водой, пока ты спал.

В сердце Шэнь Цяо поднялось дурное предчувствие.

— Как ты меня напоил?

Янь Уши ответил ему странным тоном:

— Из чашки в рот, конечно. Как еще ты хотел, чтобы я тебя поил?

Прежде чем Шэнь Цяо успел ответить, выражение лица Янь Уши внезапно изменилось, как будто он только что что-то понял.

— Может быть, ты думал, что я поил тебя изо рта в рот? Ах, А-Цяо, ты всегда был таким праведным и благородным человеком! Когда ты успел стать таким похотливым и вульгарным?

И снова он был ошеломлен и лишен дара речи этим человеком. Каким бы воспитанным ни был даочжан Шэнь, он все равно не мог удержаться от желания закатить глаза.

Затем Янь Уши утешил его, сказав:

— Не следует винить тебя за недопонимание. Я уже говорил тебе, что люди из секты Хэуань никогда не замышляют ничего хорошего и что тебе не следует брататься с ними, особенно с такими соблазнительницами, как Юань Сюсю и Бай Жун. Если ты столкнешься с ними в следующий раз, просто держись от них как можно дальше. Мой А-Цяо такой красивый, как я мог позволить, чтобы эти люди осквернили его?

«Репутация твоей секты Хуаньюэ, похоже, ничуть не лучше, чем у секты Хэуань, не так ли? Кроме того, что ты подразумеваешь под «мой А-Цяо»? Кто это здесь «твой А-Цяо»?» - возмутился даочжан. Хотя Шэнь Цяо жаловался и безумно критиковал его в своих мыслях, он хорошо понимал, что не был таким красноречивым, как Янь Уши. Если бы он сказал хотя бы одно предложение, этот человек определенно ответил бы еще десятью.

Ранее, когда он был ранен и погрузился в глубокий беспробудный сон, он ничего не мог предпринять. Но теперь, когда он проснулся, первой мыслью Шэнь Цяо было беспокойство за людей, которые все еще находились на горе Цинчэн.

— Понятия не имею, в каком состоянии глава секты Чжао и остальные. Завтра я вернусь и проверю.

Янь Уши слегка усмехнулся и ответил:

— Целью Ху Лугу был ты. Поскольку тебя там больше нет, ему наплевать на остальных. До тех пор, пока они добровольно не ищут собственной смерти, учитывая гордость Ху Лугу, маловероятно, чтобы он убьет людей, которые в его глазах не более чем бесполезные сорняки.

Ху Лугу, вероятно, все еще осознавал свою сущность и статус великого мастера, поэтому он определенно не опустился бы так низко, чтобы отбросить свои этические ограничения и совершить массовую резню. Но принимая во внимание таких личностей, как Дуань Вэньян и секта Хэуань, которые не упускают возможности воспользоваться случаем и поймать рыбу в мутной воде, у храма Чуньян могут возникнуть некоторые проблемы. Однако там также присутствовали Чжао Чиин и ученики ее секты, которые не были настолько беспомощны и слабы, что не смогли бы даже связать курицу. В противном случае, если бы они оказались настолько слабы, словно маленькие дети, в будущем им было бы крайне стыдно появляться в цзянху.

— Юй Шэньянь все еще на горе Цинчэн, - напомнил ему Шэнь Цяо.

Ответ Янь Уши на это заявление был еще более резким.

— Если он не способен справиться с подобными мелкими неприятностями, то он не годится в ученики этому достопочтенному!

В глазах Янь Уши слабые люди были недостойны его внимания. За последние несколько десятилетий Шэнь Цяо был единственным исключением, но существовал только один Шэнь Цяо. Все остальные были недостойны его дополнительных усилий и заботы, в том числе и его собственные ученики. Он уже обучил учеников всем своим навыкам, и если ему все еще нужно защищать их от всего, что мир может приподнести им, то им нет смысла продолжать появляться в цзянху. С таким же успехом они могли бы просто покончить с собой, ударившись головой о стену.

Шэнь Цяо, очевидно, не был согласен с такой линией мышления. Он понимал логику слов Янь Уши, но если Чжао Чиин и Ли Цинъюй были способны защитить себя, то навыки боевых искусств Фань Юаньбаю и Чжоу Есюэ не были такими развитыми. Если вспыхнет битва, их учительница, возможно, не сможет защитить их от хаоса и предотвратить травмы.

Янь Уши заметил его рассеянное состояние и протянул руки, чтобы ущипнуть его за щеки.

— Когда же ты избавишься от этой дурной привычки переживать за всех людей на под Небом? Ты ранен, если вернешься туда, то станешь только обузой. В такой ситуации, зачем тебе думать о спасении других? В любом случае, прошли уже день и ночь. Любая последовавшая после нашего ухода битва уже закончилась. Какой смысл в том, чтобы идти туда?

Шэнь Цяо был застигнут врасплох этим жестом Янь Уши. Он бессознательно попытался откинуть голову назад, чтобы избежать его.

— Глава секты Янь, пожалуйста, прояви немного самоуважения!

Янь Уши улыбнулся и ответил:

— А-Цяо такой неразумный. Если я захочу кого-то обнять, то обниму, к чему можно прикоснуться — прикоснусь, захочу накормить тебя — накормлю. К какой части твоего тела этот достопочтенный еще не прикоснулся? Что плохого в том, чтобы немного пощипать? Я не думаю, что ты пользуешься помадой и пудрой, как эти укрывшиеся в своих будуарах девушки, но даже в этом случае твоя кожа не менее гладкая и нежная, чем у них. Если бы ты нарядился женщиной, твоя красота была бы первоклассной.

Шэнь Цяо сосредоточился на том, чтобы думать только о делах насущных. Услышав слова собеседника, он просто принял их за импульсивную и беспорядочную чепуху Янь Уши, которая влетала в одно ухо и вылетала из другого. Он нахмурился и сказал:

— Глава секты Янь продемонстрировал невероятную дальновидность и сверхъестественную точность, когда ранее заявил, что Ху Лугу не умер. В то время мне было трудно в это поверить. Но теперь то, что ты предсказал, стало реальностью. Ху Лугу снова появился в цзянху, в то время как мой учитель уже скончался. Судя по тому, в каком состоянии сейчас находится мир, нет никого, кто мог бы контролировать или подчинить его. Люди Тузцуэ близки к Юйвэнь Юню, а Юйвэнь Юнь в стоворе как с сектой Хэуань, так и с буддийской фракцией. Собрание испытания Меча подошло к безвременному концу и теперь представляет собой сломанную алебарду, зарытую в песок, а храм Чуньян также постигло непредвиденное несчастье. Я боюсь, что мирные дни цзянху подошли к концу.

Янь Уши откинулся на кровать и лениво ответил:

— С какой стати ты беспокоишься о других? Разве упадок храма Чуньян не является хорошей возможностью для горы Сюаньду снова подняться? С твоим нынешним уровнем боевых искусств ты мог бы уже давно сравнять Юй Ая с землей. Для тебя не составит труда ворваться на гору Сюаньду и вернуть себе место главы секты, если ты того пожелаешь. Зачем помогать другим ткать их свадебные наряды? Если у тебя есть такие намерения, я обязательно помогу.

Шэнь Цяо взглянул на него. Он пытался стерпеть, но в конце концов понял, что не может. Он сказал беспомощным тоном:

— Если хочешь говорить, то говори. Но не мог бы ты убрать свою руку с моего колена? Это совершенно легкомысленно и недостойно.

Если бы не его травмы и факт, что он спал на самой дальней стороне, он бы уже давно покинул эту кровать.

Янь Уши дважды похлопал его по ноге, а затем усмехнулся.

— Так это была твоя нога. А я думал, что это подушка.

Сказав это, он протянул руку под одеяло и достал подушку из-под ног Шэнь Цяо. Он положил на нее руки, нежно поглаживая.

Шэнь Цяо подумал: «Какое совершенное бесстыдство».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287403>